

ИСТОРИЯ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ В СССР–РОССИИ В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-452-475

УДК 330.8

В НОВОСИБИРСКОМ АКАДЕМГОРОДКЕ (1965–1973 гг.)

Ханин Григорий Исаакович,

*доктор экономических наук, профессор,
профессор Сибирского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ,
Россия, 630102, Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6
khanin@yandex.ru*

Аннотация

Рассматривается период жизни и научной деятельности в 1965–1973 гг. Характеризуется преподавательская деятельность в Новосибирском государственном университете (НГУ). Особое внимание уделяется деятельности студенческого научного кружка и конфликту с администрацией Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) и НГУ из-за стенгазеты этого кружка в конце 1960-х гг., ставшему причиной моего ухода из НГУ. Характеризуется содержание кандидатской диссертации о проблемах планирования советской экономики, раскрывается ее новаторский характер. Описано обсуждение диссертации в НГУ и ВАКе, изложены причины ее отклонения ВАКом. Рассматриваются причины обращения к исследованию фондовых бирж, излагается основное содержание кандидатской диссертации о фондовых биржах. Характеризуется научная атмосфера в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Описывается работа в НИИ систем и коллектив лаборатории внешнеэкономических связей этого института, взаимодействие с Государственным комитетом внешнеэкономических связей. Много внимания уделяется деятельности Института экономики СО АН СССР, его руководства и коллектива. Большое место отводится характеристике общественной атмосферы в СССР и Академгородке в указанный период. Показывается реакция на события в Чехословакии в 1968 г. и ужесточение политического режима в СССР после этих событий. Кратко рассматриваются жизнь автора в новосибирском Академгородке и дружеские отношения с отдельными научными работниками Академгородка.

Ключевые слова: экономика СССР, новосибирский Академгородок, Новосибирский государственный университет, Институт экономики СО АН, ИМЭМО АН СССР, ВАК, НИИ систем, события в Чехословакии в 1968 г.

Библиографическое описание для цитирования:

Ханин Г.И. В новосибирском Академгородке (1965–1973 гг.) // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 2, ч. 2. – С. 452–475. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-452-475.

После окончания аспирантуры я получил распределение в один из волгоградских вузов. Неожиданно пришел отказ из-за отсутствия вакансий. Не знаю, такова ли была действительная причина. Я уже решил возвращаться в Ригу и искать работу там, но тут меня навестил мой старинный друг по студенчеству Аркадий Гельман. Он после окончания института по распределению вместе с женой Нелей, тоже моей сокурсницей, отправился в Новосибирск, и я надолго потерял их из виду.

Аркадий был воодушевлен новосибирским Академгородком, где он вместе с Нелей теперь жил и работал, и начал меня уговаривать уехать туда. Особенно он расхваливал Аганбегяна, возглавлявшего один из экономических центров в Академгородке. «Он тебя поймет и оценит», – говорил Аркадий. Он заразил меня своим энтузиазмом. Я написал письмо Аганбегяну и вскоре получил приглашение на преподавательскую работу в Новосибирский государственный университет. Мне охотно переписали распределение, и после короткого отдыха дома в Риге я отправился в Новосибирск, где меня встретил Аркадий.

Из аэропорта Толмачево, в то время весьма примитивного по сравнению с нынешним, на рейсовом автобусе в прекрасный летний день начала сентября через центр города отправились в Академгородок. Новосибирск после Ленинграда и Риги не впечатлил. Приехали в Академгородок и сразу отправились в университет. Мне моментально выделили общежитие рядом с главным зданием Университета и вскоре определили нагрузку по политической экономии у второкурсников. Через какое-то время домой на беседу пригласил Аганбегян. Он жил тогда в относительно небольшой квартире. Поинтересовался содержанием моей диссертации. Поговорили о том, что должно быть ведущим звеном при составлении народно-хозяйственного плана: баланс народного хозяйства, как считал я, или межотраслевой баланс, как считал Аганбегян. Каждый остался при своем мнении, но моя строптивость Аганбегяну скорее всего не понравилась. Он тогда возглавлял лабораторию экономико-математических исследований СО АН СССР, но уже вскоре после борьбы с директором Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) Г.А. Пруденским возглавил его. Я об этой борьбе знаю немного, так как работал в НГУ. Аганбегян упирал на высокую перспективность экономико-математических методов. Математику Лаврентьеву это должно было импонировать, как и молодость Аганбегяна. Возглавив ИЭиОПП, Аганбегян

довольно быстро избавился от большинства его бывших сотрудников, начиная с Пруденского, как ретроградов. Между тем Пруденский был весьма квалифицированным специалистом не только в организации промышленного производства, но и в более общих экономических вопросах. Его выступление на знаменитой экономической дискуссии 1951 г. было одним из самых содержательных. Среди тех, кто покинул институт вместе с Пруденским, оказался выдающийся советский демограф В.И. Переведенцев. Среди бывших сотрудников ИЭиОПП запомнился эрудицией и нестандартным мышлением, скептицизмом в отношении экономико-математических методов Виктор Георгиевич Стародубровский, ушедший на преподавательскую работу в Институт народного хозяйства.

Мое общежитие оказалось непритязательным: небольшая коммунальная квартира с одним соседом. Но всё же лучше, чем комната на двоих в ЛФЭИ. Зато Академгородок сразу произвел прекрасное впечатление: дома, институты и учреждения в лесу. Поблизости море – Обское водохранилище – с пляжем. Особенно хорош был Академгородок зимой. Сухой морозный сибирский климат оказался для меня очень полезным. В Риге и Ленинграде каждую зиму я один-два раза простужался. В Новосибирске в первые двадцать лет жизни – ни разу, даже в самые суровые зимы. С бытом устроился неплохо: завтракал и ужинал дома, обедал в столовых недалеко от работы. Иногда ходил в ресторан при гостинице, благо цены были доступные, пища хорошо приготовлена, официантки приветливы. Продукты тогда еще были в достаточно приличном для СССР ассортименте: Академгородок снабжался в привилегированном порядке через ОРС Сибкадемстроя Министерства среднего машиностроения. Изредка ходил в кино в Дом культуры «Академия».

Занятия по политэкономии я старался ориентировать на политэкономии социализма, с приближением к реалиям советской жизни того периода. Ставил на обсуждение дискуссионные вопросы политэкономии социализма, поэтому занятия проходили очень оживленно. Этому способствовал и высокий интеллектуальный уровень студентов. Физики считались элитой советской науки. Кстати, среди моих студентов был будущий президент СО РАН А. Асеев. Лучшей оценкой качества моих занятий стал один эпизод. Спустя 50 лет я ехал в автобусе в другой район Академгородка. Рядом со мной сидел пожилой мужчина. «А я Вас знаю, – сказал он. – Я физик, и Вы у нас преподавали политэкономии. Нам очень нравилось, как Вы преподавали».

Необходимость доработки диссертации и интеллектуальная жажда толкали меня в библиотеки города. Дело в том, что в Академгородке в это время практически не было библиотек гуманитарной направленности. В Новосибирске оказалась довольно богатая научная областная библио-

тека. Она располагалась в двух помещениях – основном и зале абонемента и периодики. Основной читальный зал представлял собой крайне тесное помещение, переполненное читателями. Запомнился ужасный туалет. Много времени я проводил в зале периодики. Она была представлена очень неплохо. Помимо современной периодики, была широко представлена дореволюционная периодика и периодика 1920-х гг. Мое увлечение периодом нэпа заставляло много изучать последнюю.

Наибольшее впечатление на меня произвел журнал «Экономист», выходивший только в 1922 г. Его авторами были преимущественно высококвалифицированные дореволюционные экономисты. Они анализировали экономику нэпа несравненно глубже, чем советские экономисты 60-х гг. Я многому у них научился. В «Экономисте» я обнаружил статью Б.Д. Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» [2]. Она буквально меня потрясла своей глубиной и укрепила мою приверженность рыночной экономике. Эту работу западные экономисты «открыли» лишь в середине 30-х гг., признав Бруцкуса одним из глубочайших критиков командной экономики наравне с Ф. фон Хайеком и Л. фон Мизесом. В СССР статью оценили лишь в период перестройки. Очень интересными оказались и другие советские экономические журналы 20-х гг. В них достаточно правдиво и квалифицированно освещалось экономическое положение СССР в этот период. Так, я обнаружил очень оригинальные статьи Г.А. Фельдмана с моделями экономического роста СССР [7, 8], аналогичные западные модели появились значительно позднее. Частью изученные материалы вошли в доработанный вариант моей диссертации.

Самым важным результатом моих посещений областной научной библиотеки явилось знакомство с Галиной Сунгатовной Агаповой, которое привело к женитьбе в июне 1967 г. Ей я больше всего обязан моей счастливой последующей жизнью, несмотря на многочисленные служебные неприятности и политические потрясения, иногда серьезные материальные трудности. Женитьба имела немедленные материальные последствия: нам предоставили довольно большую комнату в двухкомнатной квартире рядом с НГУ. Но о своей личной жизни, как не имеющей общественного значения, я больше писать не буду.

Со второго года работы в НГУ мне поручили вести семинары по курсу «Планирование народного хозяйства» у экономистов третьего курса тогда еще гуманитарного факультета (экономический факультет выделился из него лишь в 1968 г.). Конечно, заниматься с экономистами мне было гораздо интереснее. Здесь я мог проявить свои профессиональные качества намного шире. Я проходил аспирантуру на кафедре планирования народного хозяйства, и моя кандидатская диссертация была посвящена проблемам планирования народного хозяйства. Особенно я ценил возможность на-

учить студентов методам экономического анализа, которые считал самым важным в профессии экономиста.

Как и с физиками, я привязывал занятия к актуальным проблемам советской экономики. С учетом специфики обучающихся я, помимо анализа статей в экономических журналах, делал упор на работу со справочником «Народное хозяйство в СССР», на анализ тенденций экономического развития с опорой на натуральные показатели как самые достоверные. Анализировалось выполнение пятилетних и годовых планов. До меня этим со студентами не занимались. Для них стало откровением то, что советская статистика с помощью макроэкономических показателей искажает реальное положение в экономике и уровень выполнения планов. Никто мне не мешал этому учить. Сомневаюсь, чтобы в другом советском вузе это стало возможным. Студенты оказались очень любознательными и трудолюбивыми. На экономические специальности также был большой конкурс. По этой специальности проходили в университет только самые сильные. Мне эти занятия приносили огромное удовольствие. На зачетах был очень требовательным. Сил было много и профессионального фанатизма. Однажды принимал у одной группы зачет в течение целого дня, до позднего вечера. Девочки в ожидании начала зачета в коридоре пели песни.

Тем временем продвигалась и моя диссертация. В ее защите были заинтересованы и кафедра, и университет – число остепененных было важным показателем в их оценке. В 1967 г. работа обсуждалась на кафедре по применению математических методов в экономике, которую тогда возглавлял будущий академик А.Г. Гранберг, и была одобрена. Я разослал автореферат по многим вузам и некоторым экономическим НИИ.

Летом 1967 г. я был взволнован войной между Израилем и Египтом. Как еврей, я был, естественно, на стороне Израиля – ведь впервые за почти 2000 лет евреям удалось создать свое государство. Мой отец еще в досоветской Латвии был сионистом и меня воспитал в том же духе. Этому содействовало советское государство, которое в послевоенный период, особенно в последние годы жизни Сталина, проводило антисемитскую политику. Я не мог забыть, как в феврале 1953 г. мы готовились к высылке в связи со слухами о ее неизбежности во время «дела врачей». Я был очень рад и горд, что в этой войне Израиль одержал блестящую победу. Широко распространено было мнение, что евреи умные, но трусливые. Израильтяне показали, что они еще и смелые и имеют прекрасную армию.

Тем же летом 1967 г. при любопытных обстоятельствах состоялось мое знакомство с английским экономистом Майклом Элманом. В начале сентября меня пригласили в ректорат НГУ. Там ко мне подошел средних лет мужчина и представился капитаном КГБ Люляковым.

Он сообщил, что в Академгородок вот-вот прилетает без необходимого согласования стажер МГУ английский экономист Майкл Элман, и меня как знающего английский просят его встретить. Я спросил: «Как же я его узнаю? – Не беспокойтесь, узнаете». И я в предоставленном мне университетом автомобиле помчался в аэропорт. Подъехали, когда рейс из Москвы уже прибыл и пассажиры пошли на выход. Среди них я увидел молодого человека с необычной для России внешностью и одеждой. Я подошел к нему и спросил, не Элман ли он. Очень удивленный, он ответил утвердительно. Я представился, и мы отправились в Академгородок. Элман остановился в «Золотой долине» – единственной гостинице в Академгородке.

Вечером следующего дня мы отправились гулять по Академгородку. Элман уже побывал в Институте экономики, и на него неблагоприятное впечатление произвело чрезмерное внимание, уделяемое в институте экономико-математическим исследованиям. Это совпало с моим мнением. Среди прочего я рассказал о сильном впечатлении от многотомной книги Карра по истории СССР [17]. Элман был удивлен, что я читал эту книгу (в Ленинграде в спецхране). Между нами возникла «химия». По договоренности с женой я пригласил Элмана домой на следующий вечер. Пригласил и наших молодых родственников. Вечер прошел чудесно: шутили, немного пили, закусывали и даже, кажется, пели хорошие русские и советские песни. У нас не было никаких предубеждений по отношению к Западу, и мы все были молоды и веселы.

Договорились переписываться. Эта переписка продолжалась до лета 1969 г. Тогда, после чехословацких событий, я обнаружил, что письма от Элмана стали приходить с надорванным конвертом. Нетрудно было понять, что они просматриваются. Пришлось прервать переписку.

Тем временем интеллектуальная жизнь в Академгородке и Новосибирске расширялась. Правда, я только один раз посетил ее центр – клуб «Под интегралом», но стал усердным читателем появившейся иностранной прессы. В газетном киоске на почте продавались газеты коммунистических партий Западной Европы, США и Восточной Европы. В таких газетах, как «Унита», «Юманите» и «Дейли уоркер», нередко можно было обнаружить отличные от официальных в СССР оценки событий в СССР и Восточной Европе. Чаще всего я покупал «Дейли Уоркер» и «Юманите». Французскому я выучился еще в 1964 г. во время государственного переворота в Алжире, о котором мало писала советская печать, но очень много писала «Юманите». Кроме этих газет, в библиотеку Дома ученых (и в спецхран ГПНТБ – точно не помню, какие куда) поступали такие газеты, как «Таймс», «Фигаро», «Монд», журналы «Шпигель», «Штерн», «Лайф» и «Лук». Помню, как в одном из этих журналов просматривал воспомина-

ния Светланы Аллилуевой. Открылось отделение ГПНТБ в Академгородке, куда можно было заказывать книги из города и даже из Москвы. Открылась и профсоюзная библиотека, где можно было брать художественную литературу и литературные журналы.

Важным для меня событием было начало сотрудничества с журналом «Новый мир» в 1967 г. Он тогда пользовался колоссальной популярностью среди интеллигенции, и мне хотелось там напечататься. Вскоре случай представился. Вышла книга В.С. Позднякова об организации внешней торговли в СССР, в которой отстаивалась монополия государства на внешнеэкономическую деятельность. В условиях начавшейся децентрализации экономики СССР это казалось анахронизмом. Но за этой точкой зрения стоял авторитет Ленина, который отстаивал необходимость монополии в 1922 г. в борьбе с Бухариным и Сталиным, и хотя условия изменились, никто из советских экономистов не решился оспорить ее. Но оспорить было недостаточно – нужно было найти издание, которое решилось бы это опубликовать. Таким изданием был только «Новый мир».

Я решил написать для «Нового мира» рецензию на эту книгу с критикой взглядов Позднякова. Естественно, она обосновывалась изменением условий с 1922 г. и противоречием экономической реформе 1965 г., необходимостью развития конкуренции отечественных и иностранных производителей на внутреннем рынке. Первый вариант рецензии показал новому знакомому – Владимиру Эммануиловичу Шляпентоху. Он согласился с содержанием, но раскритиковал форму. «Гриша, – сказал он, – Вы должны с первых строк захватить внимание читателей и уже не отпускать его до конца». Я переделал рецензию в соответствии с его советом. Новый вариант Шляпентоху понравился. Отправил рецензию в «Новый мир» и вскоре получил приглашение зайти в редакцию.

В очередной приезд в Москву с большим волнением входил в редакцию. Меня направили в отдел публицистики и критики. В небольшой комнатухе на первом этаже сидел невысокого роста мужчина, который представился Юрием Буртиным. Он сказал, что рецензия очень понравилась Твардовскому, но нуждается в небольшом редактировании. Из его редактирования запомнилось предложение заменить слово «конкуренция» менее одиозным «соревнование». Буртин был очень доброжелательным и сразу мне понравился своей интеллигентностью. Вскоре, в № 4 за 1967 г., рецензия вышла [9]. Я настолько осмелел, что направил еще одну рецензию, на другую книгу, уже об экономическом росте. В ней я обосновывал возможность снижения экономического роста в связи с расширением ассортимента товаров и уменьшением массовости производства. И эта рецензия была опубликована в № 12 за 1967 г. [10]. Дважды за год опубликоваться в «Новом мире», пусть даже с рецензиями, было равносильно в то

время получения ордена. А Юрий Григорьевич Буртин на многие годы стал моим близким другом.

Теперь пора рассказать о Шляпентохе. Коротко, так как подробно я рассказывал о знакомстве с ним в отдельной статье [13]. Не помню, как мы познакомились. Скорее всего, он подошел ко мне после какого-то факультетского мероприятия. Шляпентох был очень жаден до заинтересовавших его почему-то людей. Он был внешне очень примечателен: рыжий, с толстыми губами и подслеповатыми глазами, небрежно одетый. Постепенно мы узнавали друг друга лучше. Сближали и общая национальность, и общность политических взглядов. На каком-то этапе он пригласил к себе домой. Его жена тоже работала в Институте экономики; очень симпатичная была семья. Шляпентох, конечно, был несравненно более эрудированным, чем я, и с гораздо большим литературным опытом и талантом. Еще в конце 50-х гг. он защитил кандидатскую диссертацию по анализу западных экономико-математических теорий, в связи с чем и был приглашен Аганбегяном в Институт экономики. Но Шляпентох не оправдал его ожиданий, был достаточно критичен к проводимым там исследованиям с помощью экономико-математических моделей и постепенно стал сдвигаться к социологическим исследованиям. Он много рассказывал о положении в Институте экономики, поначалу больше положительно, потом всё более критично.

Знакомство со Шляпентохом расширило круг моих дружеских знакомств в Академгородке. К Аркадию и Неле прибавился Шляпентох. С ним я мог откровенно говорить на политические и профессиональные темы. К моей женьтибе на русской он отнесся настороженно: «Гриппа, мы такой маленький народ...». Это не уменьшило его приветливости к моей жене.

В начале марта 1968 г. подошло время защиты моей диссертации, которая носила весьма скромное название «Некоторые методологические вопросы централизованного планирования социалистической экономики». Но за этим скромным названием скрывалось ниспровержение многих основ советской экономики и практики планирования того времени, сделанное с рыночных позиций.

Долгое время мне она казалась слабой. Для написания этих воспоминаний я заказал автореферат (диссертацию у меня «зачитали») [11] и стенограмму обсуждения диссертации. И рад был убедиться, что ошибся. Много в ней и теперь меня восхищает. Например, научная и гражданская смелость. Начну с того, что в диссертации не было ни одной (!) цитаты из классиков марксизма-ленинизма и решений КПСС. Многие считавшиеся каноническими принципы теории и практики планирования народного хозяйства СССР подвергались в ней сомнению и критике. Критика опира-

лась на большой материал по истории советской экономики и практики планирования в СССР, в отличие от преобладавшего тогда в общеэкономических работах абстрактно-теоретического подхода в духе «Капитала» Маркса либо экономико-математического моделирования. Наиболее широко использовались данные по развитию советской экономики периода второй и третьей пятилеток. Диссертацию буквально распирало от научных идей, и меня совершенно не волновала их совместимость с реалиями советской научной жизни. Я даже не задумывался о возможности ее утверждения ВАКом. Для меня гораздо важнее было найти научную истину. Собственно, только это меня и интересовало. Слабой, однако, была третья глава, посвященная проблемам территориального планирования.

Мое нынешнее ощущение подтверждается содержанием полученных отзывов. Они не были инспирированными мною. Многие рецензенты были мне вообще неизвестны. Среди приславших положительные (отрицательных не было) отзывы были такие известные экономисты, как Игорь Бирман и Виктор Белкин, заведующий кафедрой планирования народного хозяйства МГУ, автор учебника «Планирование народного хозяйства» Л.И. Берри, доктор экономических наук С.Д. Фельд, кандидаты экономических наук Н.С. Шухов и О.С. Пчелинцев из ЦЭМИ. Наиболее приятен мне был отзыв Игоря Бирмана, известного своим критическим отношением к коллегам. Не могу удержаться и приведу отрывок из него: «Реферат производит редкостно хорошее впечатление. Свежесть мысли, свободной от догм и научно-экономических штампов, удивительная содержательность и притом очень хорошее изложение. Только малое количество опубликованных работ мешает ему защитить диссертацию на докторскую степень». Содержание отзывов говорит не только о качестве моей работы, но и о научной и политической атмосфере того времени, по крайней мере у значительной части научно-экономической общественности.

Весьма положительным был отзыв первого оппонента Бориса Павловича Орлова, будущего декана экономического факультета НГУ. Я очень его уважал за редкую по правдивости и квалифицированности книгу по истории транспорта в СССР, которую я многократно перечитывал. В его отзыве были и справедливые критические замечания в отношении недостаточной обоснованности отдельных положений работы. Второй оппонент, А.П. Леонтьев, при общей положительной оценке довольно пронизательно заметил, что под флагом вероятностного характера планирования автор ставит под сомнение его необходимость вообще. Не знаю, в какой степени это замечание сказалось на последующей судьбе диссертации.

Результат голосования был вполне удовлетворительный: 11 за, один против. Надо отметить, что из 12 присутствовавших было лишь 2 эконо-

миста. Несколько экономистов, включая Аганбегяна, на защиту не пришли. Дело в том, что диссертация обсуждалась на объединенном совете по гуманитарным наукам. Неэкономисты руководствовались, очевидно, положительными отзывами оппонентов и рецензентов.

Я мог бы гордиться, что предвосхитил рыночные реформы, начавшиеся в СССР через 20 лет. Но, честно говоря, я тогда многое и в самой рыночной экономике, и особенно в ее социально-экономических условиях и предпосылках в исторических условиях России и СССР не понимал.

Защита диссертации имела немедленные практические последствия. Я получил отдельную однокомнатную квартиру в центре Академгородка, недалеко от университета. В то время в СССР ждать отдельной квартиры приходилось по 8–10 лет. Другим последствием был перевод в старшие преподаватели с повышением заработной платы.

Из-за поглощенности защитой диссертации я почти пропустил такое важное событие в жизни Академгородка, как фестиваль бардов с участием Александра Галича. Доходили только слухи. Значительно больше слышал о подписной кампании в защиту репрессированных на судебных процессах в Москве в 1967 г., которая как раз в Академгородке приняла особенно большие размеры. Меня она не коснулась: я был тогда слишком маловлиятелен, но, конечно, симпатизировал подписантам.

Тем временем в Чехословакии развернулись события, которые надолго привлекли самое пристальное мое внимание. Они начались со смещения Новотного и замены его Дубчеком. Даже первые отголоски этих событий в советской печати говорили о том, что речь идет о необычном явлении в жизни социалистических стран. Но в иностранных газетах и Атласе ТАСС, поступающем в спецхран ГПНТБ, информации было намного больше. Стало ясно, что в Чехословакии Коммунистическая партия начинает необычный эксперимент демократического социализма, или «социализма с человеческим лицом». Это был также эксперимент по переходу к рыночной экономике. Всё это не могло не вызвать у меня, как и у многих других советских интеллигентов, горячего сочувствия и желания повторения этого в СССР. Но это же вызывало отторжение у партийной и советской бюрократии и части советского населения, огорченного стремлением Чехословакии к большей независимости от СССР.

За событиями в Чехословакии я следил по чехословацкой печати (газете «Руде право»), для чего, пусть и очень поверхностно, изучил чешский язык. Много о них писали и другие иностранные газеты, которые поступали в Академгородок. Слушал иностранные радиостанции, которые почти не глушили. Когда поток иностранной прессы почти прекратился и началось глушение иностранных радиостанций, стало ясно, что события развиваются в неблагоприятном направлении.

Вскоре в советской печати развернулась яростная пропагандистская кампания против этого эксперимента. При этом звучали и антисемитские ноты в связи с активной ролью в этих событиях еврейских интеллектуалов. К концу лета 1968 г. появились намеки на возможность советского военного вмешательства. Мне оно казалось неизбежным, Шляпентох сомневался. Утром 21 августа оно стало реальностью. Несмотря на то что я его предвидел, был ошеломлен. Последующие события были уже агонией. Вскоре планы перехода к рыночной экономике в Чехословакии стали трактоваться как ревизионизм.

Последствия для моей диссертации казались очевидными, хотя не помню, чтобы я тогда это в полной мере осознавал. Процесс ее рассмотрения в ВАКе, как и положено в бюрократической системе, был длительным. Кажется, уже весной 1989 г. в ВАК вызвали кого-то из представителей экономического факультета НГУ (он уже выделился из гуманитарного факультета), скорее всего Орлова. Осенью 1989 г. в экспертную комиссию ВАК по экономике вызвали и меня. Обсуждение было кратким и носило сугубо политический характер. После него мне объявили негативное заключение экспертной комиссии. Оставался еще Президиум ВАК, но через какое-то время он подтвердил решение экспертной комиссии.

У меня это лишь усилило оппозиционные настроения. Не помню, чтобы это решение меня деморализовало. Был некоторый период расстройств, но он быстро прошел. Очевиден был явно несправедливый характер принятого решения. Мой престиж среди экономистов от этого лишь вырос.

В связи с делами в ВАКе я по-настоящему сблизился с Бирманом и Белкиным. Стал бывать у них дома, познакомился с семьями. Они, как и Шляпентох и Брин, мне сочувствовали, что-то советовали, но реально помочь не могли. Сами они при всех своих рыночных симпатиях основные научные усилия, в отличие от меня, направляли в политически безопасные экономико-математические исследования. В то же время, тоже в связи диссертацией, я познакомился с А.И. Каценелинбойгеном, пользовавшимся тогда большим престижем в ЦЭМИ АН СССР. С тем же результатом.

Тем временем произошло еще одно важное событие в моей научной и общественной жизни. В начале 1969 г. администрация экономического факультета по примеру других факультетов и вузов приняла решение об организации студенческого научного общества. Научное руководство обществом было возложено на профессора кафедры политической экономики Израиля Давыдовича Брина, а он уже доверил его мне ввиду наших хороших отношений и близости научных и политических взглядов. Я отнесся к предложению с энтузиазмом. Оно позволяло привлечь к научной работе лучших студентов. Действительно, в кружок записались луч-

шие студенты 2-го и 3-го курсов. Я им предложил для докладов наиболее острые и дискуссионные темы, которые требовали серьезной подготовки. Среди них были инфляционные явления в советской экономике, циклические колебания в экономике социалистических стран, выполнение годовых планов и восьмого пятилетнего плана. Почти все они вообще не рассматривались в советской экономической литературе. Конечно, студенты с удовольствием разобрали эти темы. Я их консультировал, рекомендовал литературу, подсказывал методы анализа.

Примерно через три-четыре месяца пошли тексты. Они дорабатывались и потом докладывались на заседаниях кружка, вызывая горячие дискуссии. Ожидаемо выяснились и инфляционные явления, и циклические колебания, и невыполнение планов восьмой пятилетки. О ней тогда (а зачастую и до сих пор) в экономической литературе говорилось в превосходной степени, как о результате косыгинских реформ. Мне было приятно впоследствии прочитать памятную записку Сахарова, Медведева и Турчина 1970 г., в которой давалась такая же критическая оценка положения в советской экономике в конце восьмой пятилетки. Примерно в это же время была опубликована пророческая книга Андрея Амальрика «Доживет ли СССР до 1984 года?», в которой было убедительно показано разложение советской идеологии и государственного аппарата. Впрочем, вопросы экономики в ней практически не рассматривались.

Когда уже было заслушано несколько интересных студенческих докладов, появилась мысль изложить их содержание в стенной газете. Она вышла осенью 1970 г. и была вывешена в холле экономического факультета. Первые две недели после этого всё было спокойно. Но однажды, придя на занятия, я обнаружил, что она снята. В деканате мне сказали, что ее сняли по распоряжению Аганбегяна. О дальнейшем развитии событий я узнавал от Брина. На него как официально ответственного за кружок возложили ответственность за допущенные ревизионистские ошибки в его деятельности. Его как члена партии прорабатывали на партбюро факультета и, кажется, университета. Досталось и Орлову, которого вскоре освободили от должности декана.

Меня долгое время (чуть ли не год) не трогали, и я имел возможность продолжать занятия в прежнем духе. Я не знал, что весной 1971 г. была создана комиссия по расследованию моей деятельности. Ее возглавил недавно прибывший на работу в Институт экономики из Института мировой экономики и международных отношений АН СССР Сергей Михайлович Меньшиков. Но само расследование вела преподаватель факультета Марина Можина – жена тогдашнего первого секретаря райкома партии, бывшего несколько лет сотрудником Института экономики и другом Аганбегяна. Уже потом я узнал, что Можина беседовала со всеми членами кружка

и некоторыми другими моими студентами. В мае или начале июня мы с ней встретились. Она упрекала меня не столько за содержание стенгазеты, сколько за общее вредное влияние на студентов. «Вы не представляете, – сказала она, – как сильно Вы на них влияете». Вскоре меня пригласили на заседание комиссии. Ее возглавлял Меньшиков, но он предпочел выдвинуть на первый план других членов комиссии. Своей активностью запомнились новый декан факультета В.К. Озеров и аспирантка Института экономики А.Н. Буфетова. Главные упреки касались недостаточной обоснованности формул при расчете колебаний экономики.

В связи с расследованием деятельности кружка вспоминаются две любопытных встречи. Первая – с куратором НГУ от КГБ Люляковым. Она произошла через пару недель после того, как Аганбегян снял стенгазету. Мы случайно встретились на улице, и он сказал, что читал стенгазету и не нашел в ней «ничего особенного». Эти слова могут быть по-разному истолкованы, но ему ни к чему было говорить неправду. Вторая встреча произошла во время работы комиссии Меньшикова. Меня пригласила в свой кабинет жена Меньшикова, тоже сотрудник Института экономики, и выразила симпатию и сочувствие.

Финалом этой истории явилась встреча с ректором НГУ С.Т. Белявым – крупным физиком, популярным среди студентов и преподавателей. Он чувствовал себя неловко. Единственно содержательное, что он сказал, состояло в том, что студентам надо преподавать уже устоявшиеся научные взгляды. От имени Аганбегяна он сделал предложение о переходе в Институт экономики, из чего я понял, что должен покинуть НГУ. Я недолго размышлял над этим предложением. Оно мне представлялось неприемлемым по следующим причинам. В результате собственных наблюдений и бесед со Шляпентохом и Брином у меня уже сложилось отрицательное представление об Институте экономики. Отвращала меня и личность Аганбегяна. Я его несколько раз слушал во время публичных выступлений, пользовавшихся большим успехом, и читал некоторые его статьи. Ни то ни другое на меня не производило положительного впечатления. Его роль в истории со стенгазетой вызывала мое возмущение. Не видел я и своего места в институте.

В поисках работы я остановился на Научно-исследовательском институте систем управления Министерства приборостроения СССР (НИИ систем). Он был создан как прикладное ответвление Института экономики в рамках создаваемого М.А. Лаврентьевым пояса внедрения научных открытий. Зависимость НИИ систем от Института экономики была в значительной степени номинальной. Его директор Федор Иванович Солодовников, будучи соратником Аганбегяна, вовсе не был его марионеткой. Хотя к общей направленности Института экономики я относился со скепсисом,

я всё же допускал ее полезность. У меня было и общее понимание проблематики института благодаря моему прошлому увлечению экономико-математическими методами.

Мне предложили заняться АСУ внешней торговли, о которой у сотрудников института было смутное представление. Это был для меня счастливый выбор. Я попал благодаря этому в замечательный коллектив. Прежде всего отмечу заведующего лабораторией Владимира Григорьевича Образа. Он оказался очень образованным, любознательным и сердечным человеком. У меня сложились с ним прекрасные отношения. Быстро выяснилось сходство наших политических взглядов, что еще больше нас сблизило. Среди сотрудников лаборатории было много моих бывших студентов, которые меня ценили как преподавателя. Образ благодаря своему обаянию и такту сумел создать дружный коллектив. Я не помню каких-либо склок, что было редкостью. Благодаря этим же качествам он сумел наладить отношения с начальством и заказчиком – Государственным комитетом по внешнеэкономическим связям СССР (ГКЭС), занимавшимся научно-техническим содействием развивающимся и социалистическим странам в строительстве разнообразных объектов. Занимался ГКЭС также поставками вооружения, но сюда нас не пускали.

Я, опираясь на свое понимание экономической природы явления, помог сформулировать модель оптимизации этого сотрудничества с точки зрения СССР. В этом был мой главный вклад в работу лаборатории. Эту модель я вместе с Образом отстаивал во время общения с руководством планово-экономического управления ГКЭС. Не думаю, что ГКЭС был действительно заинтересован в этой модели, но его, как и другие министерства, обязали создавать АСУ, и деваться ему было некуда. Благодаря общению с работниками ПЭУ ГКЭС у меня сложилось некоторое представление о Центральном государственном экономическом аппарате СССР. И оно было благоприятным. В управлении работали интеллигентные и квалифицированные люди. Многие имели большой опыт работы за границей, пусть и в развивающихся странах. Хорошо знали советскую бюрократическую систему. К нам они относились приветливо и с уважением, особенно к Образу, который обладал даром привлекать людей. Он и решал щекотливые вопросы, когда они иногда возникали. В результате и ГКЭС оказывался довольным, и наше начальство.

Работы в ГКЭС у меня было немного, так что оставалось время для общения с друзьями и посещения московских библиотек. Дело в том, что вскоре после отклонения диссертации в ВАК я задумал новую тему, более безопасную, но отвечающую в то же время моим научным интересам. Мне тогда казалось, что я представляю всю механику работы рыночной экономики, кроме одного очень важного элемента – рынка ценных бумаг.

И у меня родилась идея соединить полезное с приятным: изучить рынок ценных бумаг и защитить диссертацию по этой теме. Как обычно, посоветовался со Шляпентохом. Он одобрил эту идею, полагая, что исследование рынка ценных бумаг США не вызовет у ВАК возражений. Никакого видимого политического подтекста в этом нет. Имея высокий авторитет в Институте мировой экономики и международных отношений РАН (ИМЭМО) благодаря своей докторской диссертации по экономико-математическим исследованиям в капиталистических странах и работам по социологии, Шляпентох «проветилировал» там этот вопрос и встретил положительный отклик. Оказалось, что в СССР еще никто не защищал диссертацию по современному состоянию фондовых бирж (я избрал этот сегмент рынка ценных бумаг). Я засучил рукава и принялся за дело. Как и ожидалось, оно было очень интересным для меня.

Я начал с имеющейся литературы на русском языке. Сначала художественной: «Деньги» Эмиля Золя, трилогия Теодора Драйзера о Каупервуде. Затем научной дореволюционной о российских и иностранных биржах, довоенной советской (прежде всего «Денежные кризисы» И.А. Трахтенберга [6] и его книга о коммерческих банках) и немногочисленной послевоенной советской, среди которой выделялась монография А. Аникина «Кредитная система капитализма», вышедшая в 1964 г. [1], где имелась специальная глава о рынке ценных бумаг. По межбиблиотечному абонементу заказал из московских библиотек ряд современных англоязычных книг о рынке ценных бумаг в западных странах, прежде всего в США. Это были и учебники, и монографии. Недоступные для межбиблиотечного абонемента книги и особенно журналы читал в московских библиотеках.

Здесь следует отметить, что в западных странах рынок частных ценных бумаг начиная с середины 50-х гг. возродился после долгой стагнации и снова стал играть заметную роль в капиталистической экономике. Постепенно стало складываться теоретическое понимание этого рынка и его прикладных аспектов. По мере созревания концепции диссертации начал публиковать ее фрагменты.

В ИМЭМО я столкнулся с новым для меня миром советских ученых, изучавших капиталистическую экономику. Бросался в глаза их более высокий интеллектуальный и образовательный уровень по сравнению с теми, кто изучал советскую экономику. На высоком профессиональном уровне сотрудников сказались два обстоятельства. Во-первых, советское руководство при определении внешней политики нуждалось в объективной информации о капиталистическом мире, которого оно не знало (в библиотеке ИМЭМО меня поразило обилие иностранной периодики). Во-вторых, у института были очень хорошие традиции. Он был основан выдающимся советским экономистом Евгением Варгой в 1927 г. и после перерыва в

1947–1956 гг. восстановлен в 1957 г. под научным руководством того же Варги, который определял и кадровую политику с ориентацией на профессионализм. Благодаря этому обстоятельству среди научных сотрудников было необычно большое количество евреев.

Когда диссертация через три года после начала работы была написана, я отвез ее первый вариант в ИМЭМО. Она попала в отдел, возглавлявшийся А.И. Милейковским, тогда еще членом-корреспондентом АН СССР. Ее читали ведущие специалисты отдела С.М. Никитин и В.Н. Шенаев. На меня очень сильное впечатление произвели их человеческие качества, интеллигентность и высокая квалификация. Обсуждение первого варианта диссертации было очень благожелательным и квалифицированным. Пожелания доработки были минимальными, но и восторга от диссертации я не увидел. Много для этих высококвалифицированных людей в ней было очевидным.

Перечитывая теперь автореферат этой диссертации [12], вижу, что она построена в русле моего первоначального намерения показать значения фондовой биржи для рыночной экономики. При этом разъяснялись многие вопросы, особенно о взаимоотношениях банков и бирж, которые в советской учебной и монографической литературы освещались поверхностно или неправильно. Полемизировал я и с глубоко мною уважаемым И.А. Трахтенбергом. В диссертации было много собственных расчетов. В отличие от первой диссертации, во вводной ее части было немало ссылок на классиков марксизма-ленинизма (впрочем, вполне уместных).

Защита происходила в 1973 г. в небольшом помещении специализированного диссертационного совета при минимальном количестве слушателей. Первым оппонентом был крупнейшим знаток кредитной системы капитализма А.А. Аникин, вторым – Г.Г. Матюхин (впоследствии первый глава Центрального банка РФ). Оба положительно оценили работу, отметив, как положено, небольшие недостатки. Вполне благополучным (кажется, единодушным) было и голосование. Защиту мы отметили с Юрием Буртиным и Любой Шляпентох (Володя был занят) в ресторане. Тогда еще не было обязательного обмывания защиты. Это потом в ЦЭМИ после моей защиты докторской диссертации мне очень долго не могли простить, что я не организовал банкет.

Примерно через полгода, как мы с Шляпентохом и рассчитывали, ВАК утвердил диссертацию и присвоил мне звание кандидата экономических наук. Совсем недолго размышляя, что делать дальше. Соблазнительно было продолжать заниматься и дальше фондовыми биржами. Через 5–7 лет можно было и докторскую защитить. Но я решил, что здесь великих открытий не сделаешь. В США этим заниматься было сподручнее. Конечно, теорией можно было заниматься и в СССР, но это было не столь

уж волнующим и насущным. И я выбрал другой путь, более рискованный и не обещавший даже в среднесрочной перспективе каких-либо благ. Скорее больших неприятностей, как и в начале моей научной карьеры.

С началом радикализации экономических реформ в СССР и появлением акционерных обществ я с интересом ожидал, заинтересуется ли кто-нибудь моей диссертацией, как-никак первой в СССР по фондовым биржам. Ничуть не бывало – никто не заинтересовался. Для меня это было косвенным показателем дилетантского характера проводимых реформ. Но знания, полученные при работе над диссертацией, очень помогли мне в постсоветский период при анализе российской экономики. Мне смешно было наблюдать за российскими банками и фондовыми биржами 90-х годов. Неизбежность их финансового краха была для меня очевидной задолго до того, как он произошел.

Во время подготовки к защите диссертации я встретился (кажется, придя за отзывом на автореферат) с Р.М. Энтовым (ныне академик РАН). В это время к нему в кабинет вошел представительный высокий мужчина, и мы прервали беседу. Я не прислушивался к разговору Энтова с вошедшим. Уходя, он сказал Энтову: «Начальству виднее, оно газеты читает». Эта фраза так меня поразила, что я не удержался и спросил Револьда Михайловича, кто это был. «Это Маклейн, наш самый крупный бывший агент в Англии», – ответил он. Впоследствии я прочитал о Дональде Маклейне в книгах об операциях советской разведки в Англии. В ИМЭМО он пришел спустя много лет после бегства из Англии как специалист по внешней политике Великобритании после Второй мировой войны и проработал в нем до своей смерти в 1983 г., опубликовав под псевдонимом несколько книг.

Утверждение диссертации ВАКом немедленно очень значительно повлияло на повышение моей зарплаты. Это имело еще одно материальное последствие: я получил возможность раз в неделю пользоваться столом заказов для приобретения дефицитных продовольственных товаров. Он был не таким обильным, как у докторов наук и тем более членов-корреспондентов и академиков, но всё же добавлял в наш рацион вкусные товары (мясо, колбаса, сыры, фрукты, вина).

С большим трудом вспоминаю бытовые условия жизни в Академгородке в то время. Я ими непосредственно почти не занимался, взвалив их на плечи (и ноги) жены. Но и она с трудом вспоминает: все-таки прошло много лет. Конечно, дефицит был велик, но насколько – не могу вспомнить. Попытался недавно выяснить у лучшего знатока повседневной жизни Академгородка Анастасии Близнюк, но и она не помогла. Оказалось, что местные историки этим не занимаются и не хотят заниматься. К сожалению, лучший летописец Академгородка Михаил Качан не успел за-

вершить свои записки по истории Академгородка [4]. Он умер 2 декабря 2018 г. в Калифорнии, оборвав их на событиях 1968 года.

Теперь остановлюсь на общественной атмосфере этого периода, которая становилась всё более удушливой. В начале 70-х гг. буквально с замиранием сердца наблюдал, как убивали «Новый мир» Твардовского. Я неплохо знал об этом от Буртина, для которого это было почти делом жизни и смерти. Мы тогда с ним часто встречались. Всё чаще встречался с Белкиным и Бирманом, сокрушались по поводу деградации экономики и политики. Надежд на поворот к лучшему не было.

Запомнилась встреча с Бирманом в Академгородке, где он был в Институте экономики на какой-то научной конференции по экономико-математическим методам, в которых он к этому времени разочаровался. О своих намерениях эмигрировать в США он прямо не говорил. Сказал только, что мне это было бы легко, ведь я, в отличие от него, знаю конкретную экономику и статистику СССР. Но он уехал – и преуспел как раз в изучении и разоблачении советской статистики, а я остался и дожидался оценки своих достижений в этой области еще 17 лет.

Меня по-прежнему интересовала научная жизнь в Институте экономики. О ней я узнавал от Шляпентоха, Бриана, некоторых других сотрудников института и НГУ по публикациям сотрудников института. Брин где-то в 1971 г. рассказал, как в НГУ при обсуждении вопроса о какой-то научной конференции заведующий кафедрой истории КПСС Б.М. Шерешевский предложил включить меня в ее оргкомитет. Присутствовавший на обсуждении Аганбегян покраснел и сказал: «Ни в коем случае, Ханин очень опасный человек». Те, кто его знал, подтвердят, что флегматичного Аганбегяна трудно было увидеть покрасневшим. Мне была приятна такая бурная реакция.

Институт сильно разросся. Аганбегян стал академиком в 40 лет без серьезных научных заслуг. Для экономистов это было все же в новинку, хотя у директора ЦЭМИ Николая Федоренко их было не больше. Началась ускоренная деградация и в Академии наук. По интересующим меня научным проблемам больше всего меня привлекали работы Николая Федоровича Шатилова по динамическому межотраслевому балансу [14–16] и В.С. Мучника и Э.Б. Голланда по научно-техническому прогрессу [5]. Экономико-математические статьи К.К. Вальтуха я не воспринимал. Его я оценил позднее. Переход в Институт экономики в 1970 г. такого крупного ученого, как Станислав Михайлович Меньшиков, мог бы оживить работу института. Но этого, к сожалению, не произошло в достаточной степени. Он пришел в уже сложившуюся среду. Тем не менее по более поздним высказываниям его коллег видно, что он на них оказал влияние. Институт благодаря ему заинтересовался мировой экономикой. Выделялись сво-

им высоким интеллектуальным уровнем и относительной независимостью Виктор Богачев и Раймонд Карагедов. Они вызывали уважение. Работы Аганбегяна я по-прежнему ценил низко. Высока была общественно-научная активность института. В сравнении с жесткой политической атмосферой Москвы и Ленинграда Институт экономики СО РАН и вообще Академгородок всё еще казались оазисом свободомыслия. Об этом впоследствии писал в своих интересных воспоминаниях Рубен Евстигнеев [3]. Играла роль и возрастная близость и комфортность Академгородка.

Пожалуй, наиболее ярким событием в жизни экономического сообщества Академгородка в начале 70-х гг. стал выход журнала ЭКО. Он возник по инициативе Аганбегяна, которому, как я думаю, нужна была собственная трибуна. Аганбегян редакторской ролью был увлечен намного больше, чем научной. Здесь сказались его выдающиеся организационные способности. Непосредственно работой журнала занимался Виктор Богачев, который привлек к работе сильных и творческих работников. Журнал быстро стал заслуженно популярным и фантастически увеличил тираж. В нем публиковались неординарно мыслящие экономисты и социологи с критическим отношением к состоянию советской экономики и общества, что не допускалось в московских журналах, были найдены оригинальные формы подачи материала.

Всё же общий интеллектуальный уровень и в Академгородке, и в обществе в целом после 1968 г. заметно снизился. Вспоминаю, как Шляпентох перед самым отъездом из Академгородка сказал, имея в виду интеллектуальную жизнь в стране: «Ведь это же пустыня». Всю значимость этого заключения я понял впоследствии.

Важным событием в моей жизни начала 70-х гг. был отъезд в Израиль моих родителей и сестры с мужем и двумя детьми. Отъезд в Израиль обсуждался в то время во многих еврейских семьях, особенно в Прибалтике. При том что отец был старым сионистом и симпатизантом Израиля, в силу возраста и состояния здоровья он уже не собирался уезжать. Инициатором отъезда стал муж сестры, которого угнетала советская действительность и государственный и бытовой антисемитизм. Они с сестрой долго боролись за выезд и, наконец, получили разрешение. Я даже не смог их проводить в московском аэропорту. Был в Риге и попрощался незадолго до отъезда. Казалось, теперь мы уже никогда не увидимся. Конечно, переписывался, даже понимая, что письма просматриваются. В письмах было немало жалоб на трудности адаптации к жизни в Израиле. Когда началась война 1973 г., через четыре дня после начала поговорил с сестрой по телефону. Я еще не знал тогда, как тяжело было положение в Израиле в этот период.

Попробую подвести итоги своей жизни в этот период. Они в целом были положительными. Я жил в замечательном месте, с удовольствием и

с пользой преподавал хорошим студентам, счастливо женился, с удовольствием и достойно занимался научной деятельностью, приобрел уважение научного сообщества, имел замечательных друзей, к концу периода занял вполне удовлетворительное материальное положение. Служебные неприятности воспринимались мною как неизбежное следствие моей независимой по отношению к властям позиции и хотя и огорчали, но не угнетали, как снег зимой. У меня была вполне реальная перспектива поднять свой статус, занявшись вполне респектабельными, интересными и безопасными исследованиями по фондовым биржам. Но мне казалось, что я способен на нечто большее: сделать то, что другие советские и зарубежные экономисты сделать не могут. Пусть даже результат придет не скоро и занятия этой деятельностью окажутся очень рискованным, но будут нужны не только мне, но и стране. О том, что из этого получилось, я расскажу в следующей части воспоминаний.

Литература

1. *Аникин А.В.* Кредитная система современного капитализма (исследование на материалах США). – М.: Наука, 1964. – 434 с.
2. *Бруцкус Б.Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе [Электронный ресурс]. Экономист. 1922. № 1-3 // Московский Либертариум: web-сайт. – URL: <http://www.libertarium.ru/9037> (дата обращения: 23.03.2019).
3. *Евстигнеев Р.Н.* Безмолвное знание: воспоминания экономиста. – М.: Журнал «Вопросы экономики», 2006. – 287 с.
4. *Качан М.С.* Потомку о моей жизни. Кн. 21 [Электронный ресурс] // Проза.ру. – URL: <https://www.proza.ru/2018/09/09/631> (дата обращения: 23.03.2019).
5. *Мучник В.С., Голланд Э.Б.* Экономические проблемы современного научно-технического прогресса. – Новосибирск: Наука, 1984. – 304 с.
6. *Трахтенберг П.А.* Денежные кризисы (1821–1938 гг.). – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 731 с.
7. *Фельдман Г.А.* К теории темпов роста народного дохода // Плановое хозяйство. – 1928. – № 11. – С. 146–170; № 12. – С. 151–178.
8. *Фельдман Г.А.* Аналитический метод построения перспективных планов // Плановое хозяйство. – 1929. – № 12. – С. 95–127.
9. *Ханин Г.* Новое во внешней торговле // Новый мир. – 1967. – № 4. – С. 274.
10. *Ханин Г.* Экономический рост и выбор // Новый мир. – 1967. – № 12. – С. 261.
11. *Ханин Г.И.* Некоторые методологические вопросы централизованного планирования социалистической экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Новосибирский государственный университет. – Новосибирск, 1967. – 25 с.
12. *Ханин Г.И.* Современные фондовые биржи капиталистических стран: автореф. дис. ... канд. экон. наук: (08.00.01) / Институт мировой экономики и международных отношений АН СССР. – М., 1973. – 26 с.

13. Ханин Г.И. Мудрый старший товарищ Владимир Шляпентох // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 1, ч. 2. – С. 437–451. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-437-451.

14. Шатилов Н.Ф. Некоторые результаты анализа зависимостей воспроизводства с помощью динамической модели межотраслевого баланса. – Новосибирск: [б. и.], 1967. – 7 с. – (Тезисы доклада на Всесоюзном симпозиуме по моделированию общественного производства. Новосибирск, 18–25 июня 1967 г. / Ин-т математики СО АН СССР. Ин-т экономики и ОПП СО АН СССР. Научная комиссия по проблемам «Математическая экономика и исследование операций»; 17).

15. Шатилов Н.Ф. Анализ зависимостей социалистического расширенного воспроизводства и опыт его моделирования. – Новосибирск: Наука, 1974. – 250 с.

16. Использование народно-хозяйственных моделей в планировании / Н.Ф. Шатилов, В.К. Озеров, М.И. Маковецкая и др. – М.: Экономика, 1974. – 231 с.

17. Carr E.H. A history of Soviet Russia: collection of 14 vol. – London: Macmillan, 1950–1978.

Статья поступила в редакцию 21.01.2019.

Статья прошла рецензирование 24.02.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-452-475

IN NOVOSIBIRSK ACADEMGORODOK (1965–1973)

Khanin Grigory,

Dr. of Sc. (Economics), Professor,

Professor of the Siberian Institute of Management –

the branch of the Russian Presidential Academy

of National Economy and Public Administration,

6, Nizhgorodskaya St., Novosibirsk, 630102, Russian Federation

khanin@yandex.ru

Abstract

The author focuses his attention on life and research activities in 1965–1973. He characterizes lecturing in Novosibirsk State University. The author draws special attention to a student research group and the conflict with the administration of **the Institute of Economics** and Novosibirsk State University because of a “wall newspaper” prepared by the student research group at the end of the 1960-s, which became the reason for his leaving the University. The author describes the content of a doctorate thesis (a dissertation for the degree of a candidate of sciences) on the problems of planning in the Soviet economy and also he shows its innovative character. The paper presents the discussion of the dissertation at the Novosibirsk State University and the Higher Attestation Commission (HAC) and also gives the reasons for rejecting the dissertation by HAC. The author explains his motivation for turning to studying stock exchanges and presents the essence of his doctoral thesis on stock exchanges. The paper also examines the research climate at the Institute of World Economy and International Relations of the USSR Academy of Sciences at that period. The author outlines the content of work at the Systems Research Institute and describes the team of the Foreign Economic Relations Laboratory of the Systems Research Institute as well as the interaction with the State Committee on Foreign Economic Relations. Much attention is paid to the work of the Institute of Economics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, its leadership and team. The author also describes social atmosphere in the USSR and Academgorodok at that period, explains the reaction of the former government to 1968 events in Czechoslovakia and tightening of the political regime in the USSR after these events. The author touches upon the life conditions in Academgorodok at that period and describes his friendship with some researchers.

Keywords: economy of the USSR, Novosibirsk Academgorodok, Novosibirsk State University, the Institute of Economics of the Siberian Branch of the USSR Academy of Sciences, the Institute of World Economy and International Relations of the USSR Academy of Sciences, the Higher Attestation Commission, the Systems Research Institute, 1968 events in Czechoslovakia.

Bibliographic description for citation:

Khanin G. In Novosibirsk Academgorodok (1965–1973). *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 2, pt. 2, pp. 452–475. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.2.2-452-475.

References

1. Anikin A.V. Kreditnaya sistema sovremennogo kapitalizma (issledovanie na materialakh SShA) [The credit system of modern capitalism (research on US materials)]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 434 p.
2. Brutskus B.D. Problemy narodnogo khozyaistva pri sotsialisticheskom stroe [Problems of the National economy under the Socialist system. *Economist*, 1922, no. 1-3]. *Moscow Libertarianism*: website. Available at: <http://www.libertarium.ru/9037> (accessed 31.03.2019).
3. Evstigneev R.N. *Bezmolnoe znanie: vospominaniya ekonomista* [Silent knowledge: memories of the economist]. Moscow, Zhurnal “Voprosy ekonomiki” Publ., 2006. 288 p.
4. Kachan M.S. Potomku o moei zhizni. Kn. 21 [A descendant of my life. Bk. 21]. *Proza.ru*. Available at: <https://www.proza.ru/2018/09/09/631> (accessed 31.03.2019).
5. Muchnik V.S., Golland E.B. *Ekonomicheskie problemy sovremennogo nauchno-tekhnicheskogo progressa* [Economic problems of modern scientific and technical progress]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1984. 304 p.
6. Trakhtenberg I.A. *Denezhnyye krizisy (1821–1938 gg.)* [Cash crises (1821–1938)]. Moscow, AS USSR Publ., 1963. 731 p.
7. Fel’dman G.A. K teorii tempov rosta narodnogo dokhoda [To the theory of the rate of growth of national income]. *Planovoye khozyaystvo*, 1928, no. 11, pp. 146–170; no. 12, pp. 151–178.
8. Fel’dman G.A. Analiticheskii metod postroeniya perspektivnykh planov [Analytical method of building future plans]. *Planovoye khozyaystvo*, 1929, no. 12, pp. 95–127.
9. Khanin G. Novoe vo vneshnei torgovle [New in foreign trade]. *Novyi mir*, 1967, no. 4, p. 274.
10. Khanin G. Ekonomicheskiy rost i vybor [Economic growth and choice]. *Novyi mir*, 1967, no. 12, p. 261.
11. Khanin G.I. *Nekotorye metodologicheskie voprosy tsentralizovannogo planirovaniya sotsialisticheskoi ekonomiki*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Some methodological issues of centralized planning of a socialist economy. Author’s abstract of PhD in Economics]. Novosibirsk, 1967. 25 p.
12. Khanin G.I. *Sovremennyye fondovyye birzhi kapitalisticheskikh stran*. Avtoref. diss. kand. ekon. nauk [Modern stock exchanges of capitalist countries. Author’s abstract of PhD in Economics]. Moscow, 1973. 26 p.
13. Khanin G.I. Mudryi starshii tovarishch Vladimir Shlyapentokh [Wise senior friend Vladimir Shlapentokh]. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 1, pt. 2, pp. 437–451. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-437-451.
14. Shatilov N.F. Nekotoryye rezul’taty analiza zavisimostey vosproizvodstva s pomoshch’yu dinamicheskoy modeli mezhotraslevogo balansa. *Tezisy doklada na Vsesoyuznom simpoziume po modelirovaniyu obschestvennogo proizvodstva* [Some results of the analysis of the dependencies of reproduction using a dynamic model of intersectoral balance. Abstracts of the report at the All-Union symposium on the modeling of social production]. Novosibirsk, 18–25 June, 1967. 7 p.

15. Shatilov N.F. *Analiz zavisimosti sotsialisticheskogo rasshirenogo vosproizvodstva i opyt ego modelirovaniya* [Analysis of the dependencies of socialist expanded reproduction and the experience of its modeling]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 250 p.

16. Shatilov N.F., Ozerov V.K., Makovetskaya M.I. et al. *Ispol'zovanie narodno-khozyaystvennykh modelei v planirovanii* [The use of national economic models in planning]. Moscow, Ekonomika Publ., 1974. 231 p.

17. Carr E.H. *A history of Soviet Russia*: collection of 14 vol. London, Macmillan, 1950–1978.

The article was received on 21.01.2019.

The article was reviewed on 24.02.2019.